

— Сы Жун.

— Можно уже отпустить меня?

Сы Жун растерянно моргнул, приходя в себя, и, смущенно задевывая и руки, и ноги, сполз с него. Улегшись обратно на свое место, он уткнулся лицом в подушку.

Но ведь прошлой ночью он определенно заснул на самом краю! К тому же он прекрасно знал, что во сне всегда ведет себя прилично. Что же это тогда было?

Из окна лился прохладный дневной свет. В комнате царила идеальная чистота, по которой сразу было видно: у ее хозяина сильный пунктик на этот счет.

В отличие от показной щепетильности Фэн Бая, этот парень отличался куда более холодным нравом. В комнате почти не было мебели и ничто не выдавало жилого тепла — редкие вещи были расставлены с методичной точностью.

Книги лежали аккуратной стопкой от толстых к тонким, а горлышки двух чашек смотрели в абсолютно одном и том же направлении.

У него точно обсессивно-компульсивное расстройство, подумал Сы Жун.

— В общем, вчера я вышел из дома и забыл ключи от комнаты, поэтому пришел попросить тебя пустить меня переночевать, — виновато и глуховато объяснил он, ни на секунду не усомнившись в подлинности их дружбы. Он-то знал, где лежат ключи, да и собеседник помнил его имя.

От повисшей тишины у Сы Жуна от смущения даже пальцы на ногах подожились. А что, если тот на дух не переносит делить с кем-то постель? Они проспали так всю ночь, да еще и прижавшись друг к другу... Пришлось признать, что у него нет никакого права навязывать другу свои ожидания.

— Прости...

— Под каким предлогом ты пришел ко мне за помощью?

Два голоса прозвучали почти одновременно. Сы Жун почувствовал, что что-то здесь не так, и наивно поднял на него взгляд:

— Разве мы не близкие друзья?

— Друзья? — уголки губ парня чуть приподнялись, безразличное выражение лица слегка смягчилось, явив капельку тепла. — Какие друзья? Такие, как парень с девушкой?

Сы Жун растерялся от таких слов. О чем он вообще говорит? Почему всё вокруг становится только страннее?

— Цзи Кунь, прекрати нести чушь. Вчера я и вправду повел себя слишком нагло. Если тебе что-то нужно, просто скажи, я постараюсь всё устроить.

Говоря это, он уже слезал с кровати, не забыв прихватить свою пуховую подушку, и на ходу бросил через плечо:

— Свяжись со мной, как всё обдумаешь.

В конце концов, денег у него было навалом, да и он прекрасно понимал, что у каждого есть что-то свое, что тот оберегает.

Может, этот Цзи Кунь просто чересчур дорожит своей целомудренностью? Ну точно так же, как некоторые трясутся над семейными узами или обожают каких-нибудь кошечек с собачками — никакой разницы.

На полпути перед глазами Сы Жуна мелькнула густая темная тень. В мгновение ока его дернули назад, и он, перевернувшись в воздухе, плашмя рухнул на что-то теплое и упругое.

Он так и не понял, что значила та улыбка друга, поэтому украдкой приподнял свой острый подбородок и заметил, что безмятежное прежде выражение лица парня изменилось — кажется, тот был слегка разгневан.

— Повтори еще раз, как меня зовут.

Он прохладным взглядом смотрел на Сы Жуна, а его глаза скользнули по алым губам.

— Разве не Цзи... Цзи Кунь?

Неужели тот сменил имя? Но в данных о персонаже, выданных Системой, никаких обновлений не было.

— Цзи Цзинцы.

— Мое имя.

Сы Жун стоял на четвереньках у него на груди, упершись розовыми коленками в матрас. Его белые нежные ножки были широко разведены, а округлая задница невесомо давила на чужую грудь.

Если бы собеседник вздумал встать, эта картина выглядела бы до нелепости странно и неловко — точь-в-точь как кенгуренок, сидящий в сумке у матери.

— А как же Цзи Кунь?.. Он что, съехал? Я ведь собирался к нему, — Сы Жун закусил губу, озадаченно моргая.

Цзи Цзинцы опустил взгляд, но отталкивать его не стал. Его глаза медленно проскользили сверху вниз: по розоватым бедрам Сы Жуна, изгибам коленей и заманчивому углублению сзади.

Сдерживая порыв уткнуться в него лицом, он тихо хмыкнул:

— Разве это не ты тайком фоткал меня на телефон? А теперь притворяешься, что мы не знакомы?

— ...

И вот как такое понимать? Почему Система ему ничего не сказала? У Сы Жуна была тонкая кожа, и лицо мгновенно залило жаром.

[Информация о персонажах и описание прошлых сюжетов есть в базе, просто ты вечно забываешь заглядывать в шпаргалку]

— вечно всё сводится к тому, что я во всем виноват, опять ты меня обвиняешь.

Сы Жун слегка погрузтел.

[Это моя вина, я тебя не обвиняю]

Он вызвал системную панель и быстренько пробежал глазами текст, связанный с именем Цзи Цзинцы.

Цзи Цзинцы, первая красавица... то есть первый красавец школы, обладающий невероятно яркой внешностью.

У первоначального владельца тела была странная страсть к людям с красивой внешностью, и школьный красавец, разумеется, входил в их число.

Он только и делал, что шпионил за ним и тайком фотографировал, когда тот после тренировки мылся в общественной душевой.

А еще как-то раз установил крошечную скрытую камеру в окне, аккуратно напротив парты Цзи Цзинцы, и каждую ночь гонял эту запись по кругу, пока не засыпал.

Сы Жун вспомнил фотографии, лежавшие на дне его рюкзака — одна другой пикантнее и откровеннее, — и его взгляд невольно опустился ниже живота Цзи Цзинцы.

Надо же, по нему и не скажешь, а ведь они ровесники.

— Говори, — Цзи Цзинцы слегка приподнял колено. Прямо под его прямыми ногами находились мягкие ягодицы Сы Жун, прогнувшиеся под тяжестью и образовавшие глубокую выемку, в которую вмялась и зажалась ткань хлопковой пижамы.

Сы Жун не забывал о своей роли извращенца и хриплым голосом произнес:

— Я считаю, что у тебя довольно неплохая фигура... и там тоже всё в порядке. Не знаю, сможешь ли ты меня понять, но я просто искренне люблю тела молодых парней.

Сказав это и сочтя свои слова недостаточно убедительными, он протянул руку и слегка похлопал Цзи Цзинцы по груди:

— Если тебя это сильно задевает, я могу выплатить компенсацию.

Придав лицу нарочито легкомысленный и ветреный вид, он не заметил, как выражение лица Цзи Цзинцы постепенно помрачнело, а в глубине глаз заледянел мороз.

— Кого ты еще снимал? — его красивое лицо слегка похолодело.

Лживые речи подействовали незамедлительно.

Стоило ему закончить, как тело Цзи Цзинцы напряглось до предела, и даже те мягкие места, которые он сжимал, затвердели. Ни один человек не станет улыбаться и сохранять любезность

с таким извращенцем, и какими бы манерами ни обладал Цзи Цзинцы, он все равно испытывал к нему отвращение.

Сы Жун снимал только его одного — откуда же мог взяться кто-то еще?

Но он ответил:

— Многих, уже всех и не помню.

Избалованный, мягкий голосок произносил такие злые слова. Цзи Цзинцы сверлил его черными глазами, подавляя в себе импульс связать его прямо на этой кровати. Цзи Цзинцы протянул руку, прикрывая талию Сы Жуна, а затем сбросил его со своего тела.

Стоя к Сы Жуну спиной, он чувствовал, как в груди разливается оцепенение, а ощущение мягкости словно всё ещё застряло на коже.

Спрятав потемневший взгляд, Цзи Цзинцы бесстрастно ответил на самый первый вопрос:

— Цзи Кунь, говоришь? Он съехал ещё два дня назад.

— Я думал, он всё ещё здесь живёт, поэтому и пришёл искать его вчера вечером... — тихо пробормотал Сы Жун у него за спиной.

Хотя Цзи Цзинцы и без того был сыт им по горло, на этот раз молодой человек действительно не имел дурных намеренностей.

Заметив, что Цзи Цзинцы уже несколько минут не отвечает, Сы Жун решил больше не навязываться и послушно повернулся к выходу, стараясь ступать как можно мягче.

— Куда собрался?

В спину ему неожиданно прилетели два жестких слова, от которых Сы Жун, прижимавший к груди подушку, испуганно слегка вздрогнул.

— Я... я возвращаюсь в свою комнату, что-то не так?

Сы Жун стоял с покорным видом, опустив пушистую голову, а из-под свободной пижамы отчетливо выпистали хрупкие лопатки, очерчивая две плавные дуги.

Цзи Цзинцы еще не успел раскрыть рта, как Сы Жун, сморщив личико, намеренно прервал его. — Я действительно тайком фотографировал твой пресс и без твоего разрешения забирался к тебе в постель. М-м, может, ты тоже сфотографируешь меня в ответ, и мы будем квиты, хорошо?

Его голос звучал немного тихо, настроение постепенно падало, а глаза слегка защипало.

Эта комната, пожалуй, находилась в самом дальнем конце коридора, здесь было полно сырой ци, и стоило отойти от Цзи Цзинцы всего на пару минут, как по спине пополз холод.

Казалось, тепло существовало лишь рядом с одним-единственным человеком.

Цзи Цзинцы выслушал его с совершенно обычной реакцией, его длинные прямые ресницы отбросили тень на веки.

— Разве постельные дела можно обнулить вот так? — слова «постельные дела» он произнес с особым нажимом, слегка приоткрыл тонкие губы и прямо спросил: — Я могу переспать с тобой, Сы Жун?

Звучало это как-то неправильно — просто у них двоих было разное понимание того, что значит забраться в чужую постель.

Сы Жун думал, что если опустить голову и застыть с бесстрастным лицом, то он будет выглядеть очень мрачно, поэтому он уставился на собственные туфли, кивнул и послушно ответил:

— Можно.

Сказав это, он поспешно попрощался с ним и теперь с обнимающей подушку зажатой фигурой шагал по узкому мрачному коридору.

Внутри мужского общежития раздался пронзительный, скрежещущий шум, длившийся целую минуту.

— Игра в прятки начинается. Выживших: шестьсот семьдесят.

Механический электронный голос разнесся по всему мужскому общежитию, холодный и торжественный.

Все произошло до того внезапно, что Сы Жун застыл, хлопая глазами, и у него ушло несколько минут только на то, чтобы переварить эту новость.

Игры на выживание всегда были таковы: они никогда не давали людям времени и возможности прийти в себя, проверяя тем самым слабости человеческой природы.

Еще секунду назад тихие коридоры, крыша, лестничные пролеты и пожарные выходы мгновенно наполнились криками и воплями, повсюду метались испуганные парни с искаженными от ужаса лицами, отчаянно ищущие спасения.

Сы Жун едва не свалился с ног, когда его задел пробежавший мимо окровавленный парень. Он отступил на пару шагов назад, неуверенно прижавшись к тусклой стене, и замер, не смея шелохнуться.

Глухой хлопок.

Звуки взрывов раздавались один за другим. Сы Жун собственными глазами увидел, как прижавшийся к окну и взывавший о помощи парень мгновенно разорвался на куски, кровь брызнула во все стороны. Он попытался заслониться подушкой, а когда провел рукой — брызги все еще были теплыми.

Это полиция? Первая городская школа...

Парень в коридоре успел только раскрыть рот, как его черты лица исказились, а конечности вывернулись под немыслимым, странным углом. Словно невидимая рука сдавила ему горло, его глазные яблоки затрепетали, и он, беззвучно глядя на Сы Жуна, сформулировал губами

последние слова:

— Ск-скорее прячься!

— Выживших: триста пятьдесят четыре.

<http://bllate.org/book/20943/2123121>